

Побег из приюта

Про книгу

Печально известный Бруклин — это лечебница для людей с омраченным сознанием. В ее стенах главврач Кроуфорд проводит жуткие эксперименты, которые называет «своеобразными методами лечения». Сюда попадает шестнадцатилетний Рики Десмонд, и теперь его тоже будут «лечить». Он станет Пациентом Ноль. Рики объясняют, что это привилегия, и уверяют, что исследования Кроуфорда сделают его жизнь необыкновенной и яркой. Случайно ознакомившись с архивом Бруклина, юноша понимает, что стать Пациентом Ноль означает потерять себя. Он должен бежать, чтобы спастись. Иначе его ждет нечто гораздо более страшное, чем смерть. Нечто, от чего нет спасения. Нигде. Никогда.

ПОВЕГ ИЗ

ПРИЮТА

МЭДЕЛИН РУ

КСД

ПОБЕГ ИЗ

ПРИЮТА

МЭДЕЛИН РУ

РОМАН

ХАРЬКОВ
2021 КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2021

ISBN 978-617-12-8800-3 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Публикуется с разрешения HarperCollins Children's Books, подразделения HarperCollins
Publishers

Переведено по изданию: Roux M. *Escape from Asylum : A Novel* / Madeleine Roux. — New York
: Harper, 2016. — 352 p.

Перевод с английского *Елены Боровой*

Дизайнер обложки *Анастасия Попова*

Подбор иллюстраций *Владлена Трубчанинова*

Сумнозвісний Бруклін — це лікарня для людей із потьмареною свідомістю. У її стінах
головлікар Кроуфорд проводить моторошні експерименти, які називає «своєрідними
методами лікування». Сюди потрапляє шістнадцятирічний Рікі Десмонд, і тепер його теж

будуть «лікувати». Він стане Пацієнтом Нуль. Рікі пояснюють, що це привілей, і запевняють, що дослідження Кроуфорда зроблять його життя незвичайним і яскравим. Випадково ознайомившись з архівом Брукліну, юнак розуміє, що стати Пацієнтом Нуль означає втратити себе. Він мусить тікати, щоб урятуватися. Інакше на нього чекає щось набагато страшніше, ніж смерть. Щось, від чого немає порятунку. Ніде. Ніколи.

Ру М.

Р82 Побег из приюта : роман / Мэделин Ру ; пер. с англ. Е. Боровой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2021. — 352 с. : ил.

ISBN 978-617-12-8309-1

ISBN 978-0-06-242442-6 (англ.)

Печально известный Бруклин — это лечебница для людей с омраченным сознанием. В ее стенах главврач Кроуфорд проводит жуткие эксперименты, которые называет «своеобразными методами лечения». Сюда попадает шестнадцатилетний Рики Десмонд, и теперь его тоже будут «лечить». Он станет Пациентом Ноль. Рики объясняют, что это привилегия, и уверяют, что исследования Кроуфорда сделают его жизнь необыкновенной и яркой. Случайно ознакомившись с архивом Бруклина, юноша понимает, что стать Пациентом Ноль означает потерять себя. Он должен бежать, чтобы спастись. Иначе его ждет нечто гораздо более страшное, чем смерть. Нечто, от чего нет спасения. Нигде. Никогда.

УДК 821.111(73)

© HarperCollins Publishers, 2016

© Depositphotos.com / LarioTus, обложка, 2021

© Hemigo Ltd, издание на русском языке, 2021

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2021

«Я не ангел, — заявила я. — И я смогу стать им только после смерти. Я буду сама собой...»

Шарлотта Бронте. Джейн Эйр

Я устроен не так, как все те, с кем я когда-либо встречался.
Осмелюсь утверждать, что я устроен не так, как вообще все остальные
существа. Если я и не лучше их, я по крайней мере другой.

Жан-Жак Руссо

Всей команде «Приюта» в «Харпер Коллинз» и поклонникам этой серии, старым и новым

Пролог

Он не хотел быть первым. Даже тишина этой комнаты казалась ему оглушительной — шорох шагов причинял боль, а пронзительные вопли собственных сомнений громовым эхом отзывались в ушах. Главврач заверил его, что первым быть хорошо, даже почетно. В конце концов, Кроуфорд ожидал его — подходящего пациента — так долго. Поэтому он надеялся, что Рики будет вести себя достойно и не создаст ему проблем. Это был особенный момент, настоящая привилегия — стать Пациентом Ноль.

И все же он не хотел быть первым. Ему было одиноко в этой холодной комнате, и в глубине души, там, откуда произрастала его человеческая сущность, он знал, что быть Пациентом Ноль плохо. Очень плохо.

Стать Пациентом Ноль означало утратить себя. Его ожидала не смерть, а нечто гораздо худшее.

Глава 1

Бруклин, 1968 Тремя неделями ранее

Не произнося ни слова, они привели его в маленькую комнату. Рики уже приходилось проделывать такой путь, но в прошлый раз это было в Викторвуде в Хэмптонсе, и тогда он пошел на это добровольно. Это было уже третье по счету «заточение», и все ему порядком надоело.

Он опустил голову, глядя на пол, мастерски играя свою роль. Испытывал ли он раскаяние? Ничуть. Но ему не терпелось отсюда вырваться. Клиника Бруклин. Что с того, что это дурдом? Название звучало до невозможности глупо и напыщенно. Он не хотел иметь с этим местом ничего общего.

— Мне необходимо увидеться с родителями, — произнес он.

Звуки его голоса заставили их еще крепче стиснуть его руки. Один из санитаров выхватил смирительную маску. Рики незачем было изображать изумление — он и в самом деле был шокирован.

— Эй, полегче, это еще зачем? Я просто хочу поговорить с мамой. Вы должны понять, что произошла какая-то ошибка. Если бы я смог с ней поговорить...

— Ага, парень. Само собой. Ошибка, — хмыкнул санитар. Он был выше и сильнее Рики, и сопротивляться ему было бессмысленно. — Мы не хотим причинять тебе боль, Рик. Мы пытаемся тебе помочь.

— Но моя мама...

— Мы это уже слышали. Тысячу раз.

У санитаря был приятный голос. Мягкий. Добрый. Так было всегда — ласковые голоса произносили что-то ласковое, скрывающее темные, черные намерения. Эти голоса хотели его изменить. Иногда приходилось бороться с соблазном позволить им это сделать.

— Мне необходимо увидеться с родителями, — спокойно произнес Рики. Ему стоило огромных усилий не показать, какой ужас он испытывает в этой камере, которая находилась в совершенно незнакомом ему месте и в которую его притащили против воли. В камере в клинике для душевнобольных. — Прошу вас, просто позвольте мне с ними поговорить. Я знаю, это звучит нелепо, но мне кажется, что я сумею им все объяснить.

— Это уже невозможно, — ответил санитар. — Теперь заботиться о тебе будем мы. Родители придут за тобой, когда тебе станет лучше.

— Главврач Кроуфорд — самый лучший, — сказал второй санитар.

Он произнес это так же тепло, но устремленный на Рики — *сквозь* Рики — взгляд оставался холодным. Как если бы Рики здесь вовсе не было, или даже если он был, то представлял собой ничтожную пылинку.

— Он и в самом деле самый лучший, — автоматически повторил высокий санитар.

Эти слова заставили Рики сопротивляться. Он уже все это слышал прежде о других врачах, других «специалистах». Это были шифровки. Все, что произносили эти люди в «пансионатах» и лечебницах, было шифровками. Они никогда не говорили того, что на самом деле было у них на уме, а именно того, что ему никогда отсюда не выйти, ни за что не обрести свободу, пока он не станет совершенно другим человеком. Высокий и более крепкий санитар справа от него вполголоса выругался, пытаясь дотянуться до чего-то вне поля зрения Рики, одновременно удерживая его руку.

В комнате было холодно и зябко от весеннего дождя на улице, а свет был слишком ярким, бесцветным и безликим, как и все здесь.

Никогда еще мир снаружи не казался ему менее реальным. Пусть между ними было всего несколько футов, отделяющих его от стены, а затем еще несколько дюймов кирпичной кладки — с таким же успехом свобода могла находиться за бетонной стеной толщиной в милю.

— Выбор за тобой, — тяжело вздохнул санитар. — Тебе нужно выбрать, Рик, как мы будем с тобой обращаться.

Рики знал, что это неправда, и принялся сопротивляться еще упорнее. Он раскачивался из стороны в сторону, пытаясь ударить лбом одного из них и заставить их ослабить хватку. Их голоса зазвучали откуда-то издалека, как только в его руку скользнула игла, вонзаясь в вену глубже обычного, на что указывала резкая боль.

— Я просто хочу с ними увидеться, — повторил Рики, медленно оседая на линолеум. — Я могу им все объяснить.

— Конечно, можешь. Но сейчас тебе необходимо отдохнуть. Не успеешь оглянуться, как твои родители будут здесь.

Эти слова были призваны его утешить, но они были вздором. Комната расплывалась перед глазами. Кровать, окно и письменный стол превратились в одинаковые молочно-серые пятна. Рики позволил себе полностью погрузиться в темноту, испытывая чуть ли не облегчение от обволакивающего оцепенения, которое избавляло его от ужаса и осознания предательства, сплетавшихся в тугой узел у него в животе.

Мама и Бутч, должно быть, уже возвращались в Бостон. Они уехали давно, так давно. Ему всегда удавалось убедить маму забрать его домой. И Рики знал, что снова бы этого добился, если бы ему удалось хоть на минуту остаться с ней наедине.

— С ним ведь все будет хорошо, правда? — спросила мама. Кадиллак плавно подъехал к расположенной на холме клинике. Дождь неумолимо и ритмично барабанил по окнам подобно барабанам крошечных игрушечных солдат. — Это совсем не похоже на Викторвуд... Может, это чересчур.

— Сколько можно, Кэти? Он псих. Агрессивный псих. Чертов...

— Я не хочу этого слышать.

Все происходящее казалось ему тогда сном. Но в то, что происходило сейчас, поверить было еще труднее. Вначале Рики был совершенно уверен, что его везут обратно в Викторвуд, принят для «своенравных» мальчиков вроде него. Надзиратели там были рохлями и простаками. Когда ему там окончательно надоело, хватило нескольких слезливых звонков матери, чтобы она промчалась по ухоженным дорожкам и со слезами на глазах заключила его в объятия. Но на этот раз они привезли его не в Викторвуд. В какой-то момент они свернули в сторону, изменив курс. *В Следующий Раз Тебе Придется Отвечать По-настоящему*, — любил повторять Бутч. И эта угроза наконец его настигла.

Проклятье! Как он допустил, чтобы его застали с Мартином? Бутч свое слово сдержал. Долгая дорога в клинику Бруклин, которая прошла в гневном молчании, сама по себе стала для него наказанием, и все это время Рики думал, что они этого не сделают. Что они его там не оставят.

И вот теперь он медленно терял сознание вдалеке от дома, и двое чужих людей закидывали его тело на тонкий матрас. Последней

отчетливой мыслью было: «Они это сделали. На этот раз они это сделали. Они меня заперли, и они за мной не вернуться».

Глава 2

Он несколько часов смотрел в потолок, стиснув руки на животе. У него першило в горле. Он так кричал на санитаров, что сорвал голос, а когда это не помогло, принялся напевать себе под нос в попытке справиться с тревогой. Теперь он затих. Кончики его пальцев настолько заледенели, что Рики начал опасаться, что от холода они станут хрупкими. А потом отломятся.

Холод охватил его, едва они вошли в двери клиники, и это стало первым предостережением. Двор, окружавший Бруклин, был красивым и ухоженным. Лишь прочная черная ограда напоминала о том, что возможность приходить и уходить по собственному усмотрению зависит от статуса пациента или его родителей. Коричневые кирпичные здания — темные, старые, напоминающие колледж, — контрастируя с расположенной рядом клиникой, образовывали подкову. Молодые люди, небрежно одетые в свитера и вельветовые брюки, бродили из здания в здание. Позже Рики узнал, что это студенты, готовящиеся к отъезду на каникулы.

В отличие от этих старых зданий, Бруклин был белоснежным. И чистым. Даже трава была подстрижена идеально ровно. Рики шел по ней, и она казалась ему ненастоящей. Он хорошо запомнил это ощущение. А в саду были пациенты. Сгорбив спины, они обрывали головки увядших цветов и подстригали изгороди под наблюдением санитаров в отутюженных униформах.

Все выглядело идеальным, как на картинке, пока ты не переступал порог и холод не пронзал тебя подобно электрическому разряду.

Несмотря на сонливость, Рики был уверен, что не сможет и глаз сомкнуть в этом месте, даже если в него засадят шприц с очередной порцией успокоительного. Отдых в этих стенах казался чем-то нереальным. Он проваливался в сон и снова вскидывался в полной уверенности, что кто-то стоит за дверью и подслушивает. Его тревожный сон был прерван воплем посреди ночи (по крайней мере, ему показалось, что это было ночью — в камере с плотно закрытыми окнами судить об этом было сложно).

Он с усилием сел на кровати, преодолевая тяжесть в словно свинцом налитых конечностях. Вопль повторился, а затем раздался еще раз, окончательно его разбудив. Рики встал и, волоча ноги, направился к двери. Он прижался к ледяной поверхности и, медленно скользнув ладонью вниз, стиснул пальцами ручку, с изумлением ощутив, как она подалась под едва ощутимым нажимом. Этого не могло быть. Никто не позволил бы ему бродить по коридорам Бруклина в одиночестве.

Прием, оказанный ему мускулистыми санитарями, ясно дал понять, чего следует ожидать от этого места. Неужели санитары допустили оплошность, забыв его запереть? В коридоре было темно и тихо. Не было видно ни медсестер, ни санитаров, ни других пациентов. Не было вообще ни малейших признаков жизни, не считая гула, напоминающего медленное и тихое биение огромного сердца, который он ощущал ступнями. Возможно, это ворчали, уподобляясь древнему дремлющему зверю, трубы старой системы отопления. Корень здания. Его сердцевина. Живое, бьющееся сердце клиники.

Рики зашлепал по коридору к лестнице, ощущая замерзшими босыми ногами холодный как лед пол. Молочно-белый свет заполнил пространство, озарив лестницу, по которой он спустился на площадку первого этажа. Ритмичный стук сердца манил, и Рики пошел на зов. На самом деле он не чувствовал себя в безопасности. Но он бросал вызов тем, в чьей власти оказался. Что они могут ему сделать? Вышвырнуть прочь? Он не виноват в том, что эти идиоты не заперли дверь.

А еще — и ему самому это казалось странным — низкое *бам-ба-бам* сердца клиники придавало смелости. Этот стук его почти успокаивал.

И только когда он дошел до вестибюля, все страхи вернулись. Лишь несколько часов назад он сидел здесь, глядя, как Бутч заполняет бумаги. Мама плакала. «Ты не будешь по мне скучать?» — прошептал он, по-детски широко распахнув глаза. «Милый...» Она едва не сдалась, глядя на его дрожащие губы. «Нет, только не это. Хватит», — вмешался Бутч, рассеивая чары. Рики возненавидел его за это.

Он ощутил, как с новой силой накатывает волна ужаса и шока, которые он тогда испытал, словно намереваясь окончательно его поглотить. Он ринулся к наружной двери, на какое-то безумное мгновение решив, что лучше попытаться вырваться отсюда, чем дозвониться до мамы по телефону. Но на этот раз удача ему изменила — двери были заперты.

Сердце или котел... что бы ни издавало этот звук, снова принялось манить его к себе еще настойчивее, и он последовал на зов, но уже осторожнее. «*Некуда бежать*», — всплыло в уме. Песня, идея. Исходящий из подвала звук напоминал основную ее мысль — он был таким же нарастающим, настойчивым, темным и заразительным.

Некуда бежать...

Он находился в совершенно незнакомом месте клиники. Впрочем, в этом не было ничего удивительного. Он еще не провел здесь и суток.

Вестибюль остался позади. Узкий коридор с выходящими в него дверями офисов и кладовых исчезал в зияющей пасти тьмы. Арка. Арка, ведущая вниз.

Рики продолжил спускаться, ощупывая грубую каменную кладку стен и все больше погружаясь в холодные глубины подzemелья, где пахло червями и сырой землей. Казалось, этой лестнице не будет конца, а ритмичное *бам-ба-бам* ревело все громче, заставляя тело вибрировать, пока не стало частью его, сплетаясь с овладевшим им ужасом и даже кирпичами и скрепляющим их цементом. Трубы клочкотали и скрипели, временами в них раздавался громкий стук, и тогда начинало казаться, что они вот-вот лопнут.

Он искал. Он вдруг понял, что занят отчаянными поисками, но не телефона или выхода, а источника ритмичного стука.

Рики шел на этот стук, пока не оказался в длинном коридоре с потолками настолько высокими, что с таким же успехом мог находиться под открытым небом. Что-то царапнуло его спину, но когда он оглянулся, то ничего не увидел. Именно в этот момент он понял, что, скорее всего, спит. Острые человеческие ногти пронзили его рубашку, обжигая кожу, но позади по-прежнему ничего не было. Он был один в этом коридоре.

Жгучая боль заставила его стиснуть зубы, и он двинулся дальше, идя на стук бьющегося сердца, минуя множество глухих дверей по обе стороны от себя. Все двери были закрыты и заперты. Он понимал, что в кошмарном сне так и должно быть, но все равно дергал каждую из них. Внезапно пришла уверенность, что разбудивший его вопль донесся из этого коридора. Что за дальней дверью справа находится кто-то, кто кричал так громко, что он услышал его в своей палате наверху, и биение сердца вело его прямо к источнику крика.

И когда Рики приблизился к последней двери справа, она оказалась отперта, как и дверь его комнаты. Наверняка это опять чья-то халатность. Он должен войти внутрь, чтобы спастись от когтей, царапавших его спину, и найти сердце, грохочущее у него в ушах. Теперь это был стук его собственного сердца, его собственный пульсирующий ужас.

Он остановился у двери и заглянул в комнату. Царапающие ногти уже были внутри него, разрывая живот, подбираясь к горлу. Никто больше не кричал, и сердце тоже перестало стучать. Воцарилась тишина. И тут он увидел ее. Посреди пустой комнаты стояла маленькая девочка в грязной, изорванной в клочья ночной сорочке. Она начала медленно оборачиваться. Она поворачивалась и поворачивалась, но Рики ничего не видел, кроме длинных грязных волос.

Под этими волосами не было лица, но каким-то образом он ощущал ее глаза. Глаза были устремлены на него — они наблюдали и взвешивали... Теперь он был частью этого места. Его увидели.

Глава 3

К утру он понемногу начал приходить в себя, поднявшись с неотвязно засевавшей в голове песней «Некуда бежать»¹.

«Это всего лишь навеянный тревогой сон», — решил Рики. Он не мог просто так покинуть свою комнату посреди ночи.

Чтобы убедиться в этом, он осмотрел ступни. Чистые. Он вздохнул с облегчением, в котором не хотел признаваться даже самому себе.

Итак, он вернулся к плану А — поискам телефона. Его родители — во всяком случае, его мама — вернутся за ним, и очень скоро. Она не может жить без своего сладенького медвежонка. Она приедет за ним с Бутчем или без него, потому что слишком слабая и хрупкая, чтобы не сделать этого. Это было не оскорблением, а всего лишь констатацией факта. Она не справлялась с жизнью, если его не было рядом, — не могла принимать ни мелких, ни серьезных решений, да и вообще ничего не могла.

Проклятье! Он почти ее убедил тогда, в вестибюле, но Бутчу нужно было все испортить. Именно поэтому она снова вышла замуж так скоро после исчезновения его настоящего отца. Спустя год суды удовлетворили прошение о разводе на основании «покинутости», и к этому моменту в их жизни уже был Бутч. Казалось, он грыз удила, нетерпеливо ожидая возможности занять место его настоящего папы. Она просто не могла оставаться одна. Она была неспособна *ни за что* отвечать. Рики не был уверен, что ненавидит свою мать, но она совершенно определенно ему не нравилась.

И все же, хоть он и считал вздором поговорку «кровь людская не вода», именно с ее помощью он рассчитывал в конце концов выбраться на свободу.

Скоро он снова будет в Бостоне, в своей комнате в окружении плакатов с фотографиями Пола и Джона, своей одежды и своих вещей, своих книг и бейсбольных карточек. Возможно, ему даже вернут его Бискейн — настоящий билет на свободу, которым Рики едва успел воспользоваться перед последней серией обрушившихся на него наказаний.

Он уже представлял себе опущенные стекла, грохочущую музыку, изумительный аромат гамбургеров и хот-догов с десятков окрестных

грилей, который доносили порывы весеннего ветра... По крайней мере, вчера мама позволила ему съесть последний гамбургер перед тем, как увезти сюда, но Бутч согласился лишь включить по радио обзор бейсбольных матчей, отказавшись переключать каналы.

Раздался короткий робкий стук в дверь. Рики сел в постели и опустил ноги на пол, обеими руками приглаживая взлохмаченные волосы. Дверь отворилась, и в комнату вошла добродушного вида рыжеволосая медсестра.

— Привет? Я не помешала?

Рики, фыркнув, приподнялся и оперся на спинку кровати.

— Здесь так шутят, да?

Хорошенькой он бы ее не назвал. Скорее, безобидной. Чистой. И приблизительно такой же жесткой, как бумажный кораблик. Она смотрела на него широко раскрытыми глазами, в которых читалась растерянность.

— А-а, нет, я не шутила. — Она крепко прижала к груди папку-планшет. — Я медсестра Эш. Я буду отвечать за ваше лечение здесь, в Бруклине.

— Эш. Медсестра Эш. Хм... Столь зловещее имя как нельзя лучше подходит для этой очаровательной темницы².

Ее лицо окаменело, и она, пожав плечами, опустила глаза на свои записи.

— Если вам легче относиться к происходящему с юмором, я не возражаю, — с безразличным видом сказала она. — Нам предстоит многое узнать друг о друге, и я люблю, когда мои пациенты сохраняют бодрость духа, если это вообще возможно. Или, по крайней мере, не ставят палки в колеса.

— Да, да, — отозвался он, отдавая ей честь.

Обычно Рики приходилось иметь дело с психотерапевтами в строгих костюмах, взирающими на него сквозь стекла очков. На этот раз, возможно, удастся немного развлечься. Она была немногим старше его и выглядела слишком юной для медсестры. Если он правильно разыграет карты, они подружатся, а друг мог бы помочь ему с телефонным звонком матери.

— Ну и какие порядки на этом славном корабле под названием «психушка»? Строгие или не очень?

Когда пытаешься завести друзей, лучше вести себя слегка игриво, хотя заигрывать со старыми пыльными психологами, которым его обычно поручали, не было никакого смысла.

— Я полагаю, вам нелегко, с учетом того, что вы... — Сестра Эш замолчала, просматривая бумаги, среди которых имелось и заявление Бутча.

Она не договорила, и Рики совершенно точно мог указать момент, когда она увидела причину, по которой он тут очутился. После его имени (Керрик Эндрю Десмонд, хотя Керриком его не называл никто, кроме бабушки и Бутча, когда тот бывал зол), возраста, веса и даты рождения должно было находиться описание его *проблемы* на этот раз, какой бы туманный эвфемизм ни выбрал для этого Бутч.

В прошлые два раза в этих заявлениях он также ссылался на «приступы агрессии». На самом деле это случилось лишь однажды, и после всех оскорблений в адрес Рики Бутч заслужил того, что он швырнул ему в голову вилку.

— С учетом того, что меня застали в постели с соседским мальчиком. Хотя он скорее молодой мужчина. Я не *такой уж* извращенец.

— Вы вообще не извращенец, мистер Десмонд, — спокойно ответила сестра Эш. Хм... Это было что-то новенькое. — Мне не нравятся такие слова. Они заставляют испытывать стыд. А лечение не имеет ничего общего со стыдом.

Возможно, она и в самом деле не такая, как другие. Он в этом сомневался, но всякое бывает.

— Вы шокируете меня, сестра Эш. Но в хорошем смысле.

Она улыбнулась и на мгновение стала почти хорошенькой.

— Пожалуйста, скажите мне, если вам будет трудно осваиваться здесь. Местные порядки могут показаться... — она прикусила губу и заколебалась, — неожиданными.

— О, уверяю вас, я справлюсь с чем угодно. Я родился в семье тюремщиков.

Пожалуй, это было преувеличением.

Она шагнула было к двери, но остановилась и нахмурилась, качая головой.

— Боюсь, что до сих пор жизнь была к вам несправедлива.

А вот *это* было сказано очень мягко.

— Боюсь, что она несправедлива ко всем.

— Я скоро к вам еще загляну, — произнесла она, направляясь к двери.

Ему показалось, что она отвернулась слишком поспешно, — возможно, чтобы скрыть румянец, переползающий со щек на шею.

Он остался настолько доволен собой, что почувствовал себя намного лучше, но тут тишину пронзил уже знакомый ему детский крик. Дверь со стуком захлопнулась, раздался щелчок запираемого замка, и улыбка сползла с лица Рики. Это не был вопль человека, утратившего рассудок. Это был крик боли.

¹ «Nowhere to Run» — песня американской герл-группы «Martha and the Vandellas». (Здесь и далее примеч. перев., если не указано иное.)

² Ash (Эш) — пепел (англ.).

Глава 4

Завтрак был в семь. Ланч — в полдень. Предсказуемо. В полном соответствии со строгими больничными правилами. Когда Рики поинтересовался у остролицей медсестры, сопровождавшей его на ланч, какое ожидается меню, она покачала головой и невесело усмехнулась.

— Суп и хлеб, мистер Десмонд, суп и хлеб. Вы все узнаете.

Она не была такой доброжелательной и не краснела так легко, как сестра Эш.

Завтрак состоял из полужидкой овсяной каши и омлета (не совсем омлета, да и сделанного, как он подозревал, не из настоящих яиц, а из яичного порошка). Подавиться чем-то из этого было совершенно нереально. Вероятно, теми же соображениями объяснялись и суп с хлебом.

Он ел молча, внимательно разглядывая кафетерий, представлявший собой просторное помещение, которое служило самым разным целям. От кухни его отделяла большая дверь в конце коридора, а от главного вестибюля клиники — арочный проем, который в случае необходимости можно было закрыть и запереть на ключ. Его окружала белизна. Все было ослепительно-белым и чистым. Тут было настолько чисто, что даже есть можно было прямо с пола, — к счастью, к этому его принуждать не стали.

До него как будто издали доносился стук барабанившего по стенам клиники дождя — напоминание о том, что жизнь снаружи продолжается, несмотря на то, что его собственное существование поставили на паузу, заперев внутри Бруклина.

Стекавший с его ложки суп был цвета разбавленной крови.

Когда-то он, вероятно, представлял собой концентрат овощного супа, но затем его разбавили и восстановили, превратив в тепловатую жижу томатного цвета, в которой изредка попадались кусочки сельдерея. Отложив ложку, Рики наблюдал за тем, как в комнату заходят еще пациенты. Их приводили по очереди. Места за его столом уже не было, и теперь постепенно заполнялась скамья непосредственно позади него.

Со стороны это напоминало группировки старшеклассников, только эти люди не сбивались в компании по интересам. Они даже не разговаривали друг с другом.

Пациенты ели быстро, как будто делали это в последний раз, и Рики поспешил прикончить свой суп, предположив, что они знают что-то, пока неизвестное ему. Медсестры с одинаково бесстрастным видом стояли у противоположных концов длинных белых столов, но их глаза беспрестанно обшаривали комнату.

За столом впереди него сидели бок о бок пожилая женщина и коротко стриженная девушка, которой, похоже, все время хотелось обернуться, — возможно, чтобы привлечь его внимание. Но всякий раз, начиная поворачиваться, она косилась на медсестер, и это ее останавливало.

Рики выскреб из миски остатки супа и сунул в рот половину черствой булки. Медсестры пошли вдоль скамьи у них за спиной,

хлопая каждого пациента по плечу, что служило командой покинуть столовую. Крупный широкоплечий детина, сидевший через несколько человек от Рики, на секунду замешкался, доедая суп.

— Дэннис!

Она хлопнула в ладоши, и на глазах у изумленного Рики гигант вскочил со скамьи, понурив голову, как ребенок, которого застали на краже конфет из банки. Что бы ни делали эти сестры, чтобы принудить своих пациентов к повиновению, это, очевидно, работало.

Как только дождь прекратился, их вывели на «трудовой час».

Рики стоял на траве и смотрел в серое небо, проигрывая в голове свои диски. Отис, Стиви, Смоки... Пластинки, которые он мог слушать, только когда оставался один. Родители ненавидели его музыкальные пристрастия, особенно Бутч.

Рики скривился, когда во дворе появилась сестра Эш с корзиной, полной рабочих перчаток. Как всегда.

Обычно домашние обязанности взваливались на его плечи, когда Бутч возвращался с работы раньше обычного и заставлял пасынка за прослушиванием последнего альбома Стиви Робинсона, который он врубал на полную мощность. Да еще на стереосистеме самого Бутча. «Я не потерплю этого адского шума у себя в доме. Возвращаясь домой, человек имеет право на тишину и покой». — «Ой, Бутч, я не уверен, что маме понравится, что в этом доме звучат подобные выражения...» — «Вон, Керрик. Сию же секунду!..»

Сестра Эш не стала на него орать, вручая рабочие перчатки. Она была такой же аккуратной и опрятной, как и остальные медсестры, но Рики заметил, что волосы у нее под шапочкой не заколоты, не скручены и не стянуты в тугий узел. Они были распущены.

— И что мне с ними делать? — кисло поинтересовался он.

— Я полагаю, их необходимо надеть на руки, — столь же сухо откликнулась она.

Он усмехнулся:

— Это я понял, но...

Он кивнул на остальных пациентов, которые расхватили перчатки и немедленно разбрелись по заранее отведенным участкам, чтобы приступить к работе.

— Каждый день после ланча пациенты работают в саду под наблюдением санитаров и сестер. Разумеется, мы не можем позволить вам пользоваться чем-то острым, но главврач Кроуфорд считает, что подобная физическая нагрузка очень полезна. Почему бы вам не составить компанию Кэй? Она будет обрывать засохшие цветки азалии.

— Супер! — пробормотал он и поспешил добавить, прежде чем сестра Эш перейдет к следующему пациенту: — Послушайте, как вы думаете... Вы не могли бы замолвить за меня словечко перед вашим главврачом? Мне просто необходимо поговорить с мамой. Всего один телефонный звонок, больше я ни о чем не прошу.

Вместо того чтобы немедленно отвергнуть его просьбу, она подала перчатки другому пациенту.

Едва Рики успел смириться с тем, что его проигнорировали, как медсестра спросила:

— У вас что-то случилось?

Рики расхохотался так громко, что все, кто находился во дворе, вздрогнули. Теперь все смотрели на него, и он смущенно откашлялся, опустив голову в надежде снова стать незаметным и неинтересным.

— Мне здесь не место, — тихо произнес он. — Посмотрите на меня. Разве вы этого не видите? Я не... такой, как все эти люди. Не псих.

Она вздохнула.

— Порядок, распорядок дня, дисциплина... и да, в отдельных случаях — необходимые медикаменты. Таков наш подход к лечению. Именно это позволяет поддерживать здоровье наших пациентов. Именно это удерживает их от нанесения вреда себе. — Она помолчала, а затем многозначительно сказала: — Или другим.

Ясно. Должно быть, именно из-за того случая он и оказался в Бруклине. Возможно, это вообще не было связано с ним и Мартином. Или имело весьма отдаленное к ним отношение.

— Это случилось только один раз, — прошептал он.

— Вы сломали отчиму запястье, — напомнила она. — Постарайтесь здесь освоиться, Рики. Это нужно для вашего же блага. Порядок, дисциплина...

— Да, я все понял.

Рики натянул перчатки и чуть обернулся в сторону дороги за забором из кованого металла. Вдоль забора рос ряд кустов, судя по

всему азалий, очерчивая границы его тюрьмы розово-зеленым цветом. Мощный санитар с суровым лицом охранял ворота, а девушка, на которую указала сестра Эш, стояла перед одним из цветущих кустов. Утренний туман, который должен был бы уже рассеяться, обвивал забор подобно струйкам дыма и призрачными щупальцами тянулся через двор.

Рики направился к девушке, не спуская глаз с ворот. На мгновение он задумался, удастся ли прорваться мимо этого охранника. Однако с учетом яиц, томатного супа и успокоительных сил на подобное сражение у него не было.

— Можешь не смотреть на дорогу, — сказала девушка, когда он подошел к ней. Рики и не заметил, что она за ним наблюдала. Ее взгляд был по-прежнему устремлен на азалии. — За нами никто не приедет.

— Во всяком случае пока.

Двор в этом месте понижался. Опустившись на колени, он вдруг ее узнал. Это была та самая девушка, которая косилась на него во время ланча. Она была чернокожей, и ее волосы были коротко острижены. Но ее яркую внешность не портили даже залысины. Она была высокой и стройной, и ей удавалось держаться с достоинством, несмотря на мешковатые больничные рубашку и штаны.

Опустившись на колени, Рики принялся обрывать цветки, хотя отцветших среди них не было.

— Что случилось с твоими волосами?

— Они заставляют меня коротко стричься, поэтому вместо этого иногда я их просто вырываю. — Она говорила мягко и тихо, как если бы рядом с ними кто-то спал. Рики знал нескольких ньюйоркцев в Викторвуде и Хиллкресте, и в ее речи ему послышался подобный акцент, хотя утверждать наверняка он бы не взялся. — Порядок и дисциплина не в моем стиле. Я тебя тут раньше не видела.

— Я новенький, — ответил Рики. Он прекратил обрывать цветки и развернулся к ней. — Меня зовут Рик, или Рики. Вообще-то, Керрик, но это только когда у меня проблемы.

Это вызвало у нее улыбку.

— Кэй. Как я понимаю, мы оба предпочитаем короткое и милое звучание.

— А ты здесь за что? За вырывание собственных волос?

— Нет, так я выражаю свой протест. Я стараюсь не привлекать к себе слишком много внимания, — ответила она, вытирая лоб. Когда она опустилась на колени, Рики понял, что она выше его на несколько дюймов. — Возможно, ты еще не заметил, но если кто-то начинает разговаривать слишком много или не по делу, к нему тут же применяют дисциплинарные меры. Впрочем, выход есть всегда. — Она кивнула направо, где сестра Эш наблюдала за пожилым пациентом, который не столько работал, сколько любовался клумбами с тюльпанами. Половину его шеи покрывали шрамы. Раны полностью затянулись, но кожа оставалась сморщенной и розовой. — Это Слоун. Он убежден в том, что может летать. Он прыгал с разных крыш, пока детям не надоело соскребать его с тротуаров. Насколько мне известно, он тут с незапамятных времен. А вон там Энджела, — продолжала Кэй, указывая на женщину средних лет, которая ухаживала за нарциссами на вершине холма. Ее лицо показалось Рики вполне нормальным, разве что скучающим. — Разрезала мужа на куски и попыталась накормить этим его мачеху.

Рики снова обернулся, глядя на Энджелу, на этот раз широко раскрытыми глазами.

— Да ты что?

Кэй кивнула:

— Он избивал ее много лет. Копы отказывались ей помогать, потому что он был одним из них. Об этом даже думать тошно.

— О боже, это ужасно! Но разве она не в тюрьме должна сидеть?

— Возможно, судья ее пожалел. Я не знаю всей истории ее жизни, — беспечно откликнулась Кэй.

— Но ты ничего не говоришь о себе...

— А ты о себе, — парировала она.

— Ага, но я спросил первый, — хмыкнул Рики, наслаждаясь этой игрой.

— Я могла ничего тебе не рассказывать. Здесь сложно добывать ответы. Даже если ты просто начинаешь с кем-то разговаривать, то нарываешься на неприятности. У меня ушел целый месяц на то, чтобы выдавить из Энджелы хоть слово во время «трудового часа».

Значит, ему повезло, что она вообще с ним разговаривает, и к тому же дружески. Рики отвел глаза и пожал плечами:

— Ты права. Мне нравятся мальчики. Вообще-то, девочки мне тоже нравятся. На самом деле у меня нет предпочтений, и, как я понимаю, в этом и заключается проблема.

— Для твоих родителей, — все так же мягко уточнила Кэй.

— Почти для всех. — Несколько мгновений он молча ее разглядывал, а затем медленно произнес: — Но не для тебя.

— Нет, не для меня. — Она стиснула зубы, вместе с Рики наблюдая за сестрой Эш, которая наконец оттащила Слоуна от ворот и повела его по поднимающейся на вершину холма дорожке к входу в Бруклин. Рики так и не удалось определить происхождение ее акцента. Она, похоже, хорошо поработала над его самыми яркими проявлениями, каковы бы они ни были. — Это все? Или ты еще что-то делаешь?

— Да нет, вообще-то, — солгал Рики.

Ей незачем было знать о том единственном случае, когда у него лопнуло терпение. О сломанном запястье его отчима.

— Мою тетю попытались упечь за это в какую-то клинику в Калифорнии. Я тоже чуть туда не угодила. Слава богу, мы переехали обратно в Нью-Йорк, прежде чем это пришло им в голову. Там происходило что-то ужасное. Мне так всего и не рассказали. Объяснили, что это слишком для детской психики. Жаль, что, отправляя меня сюда, они не сочли, что *это слишком*. Видимо, никто не рассказывает никаких ужасов об этом месте.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ